

Политический уровень идентичности остаётся за государством-цивилизацией и не подлежит переделу или торгу. Между тем федеративная реформа у нас всегда осуществлялась во время ослабления государства. А её надо осуществлять в тот момент, когда государство сильное, потому что только это даст возможность строить его не в угоду интересам местных этнократий или региональных кланов, а исходя из здравого смысла, исходя из ценности цивилизации как общего дела и развития, из перспективы её будущего, цивилизационной прочности всей системы.

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК КЛЮЧ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМ

За истекшие годы Россия сделала целый ряд шагов, приближающих её к той самой "цивилизационной идентичности", о которой идёт речь. Поэтому сегодня имеет смысл говорить о "гражданской идентичности" именно в контексте "цивилизационной идентичности", и это само по себе даёт ответы на многие сложные вопросы. Вне контекста цивилизационной идентичности идентичность гражданская перетягивает на себя многие смыслы и функции, которые ей в общем-то не свойственны по её природе. В случае России, как и в случае других государств-цивилизаций (таких как Китай или Иран), гражданская идентичность обретает своё более скромное место, встраиваясь в цивилизационную идентичность как её часть. И тогда в отношении национального вопроса можно сразу снять массу претензий, которые звучат со стороны разного рода националистов и сторонников этнокультурной автономии.

Цивилизационная идентичность — это ни в коей мере не сумма национальных идентичностей. Это новое качество, которое возникает поверх них. Цивилизационная идентичность — это кумулятивный эффект, когда различные этнокультурные группы, религиозные группы соединяются и работают в общем историческом проекте. В результате происходит выработка нового антропотипа, превосходящего этнокультурный уровень.

Россия всегда, начиная с крайней мере с XVI века, представляет собой "многогослойный пирог идентичности" — многоуровневую идентичность, в которой есть и "малая родина" (если смотреть на неё со стороны и на дистанции от самого места — это "землячество"), есть и "этническая идентичность" (которая иногда совпадает с региональной, иногда не до конца совпадает с ней), есть "религиозная идентичность" (которая, как правило, имеет сквозной характер). Каждый из этих уровней таит в себе определённые риски и вызовы. Например, в случае религиозной идентичности — это какой-либо прозелитизм, в случае этнической идентичности — попытки ассимилировать те или иные этносы, в случае с "малой Родиной" — это отлучение от традиционного места проживания, вырывание тех или иных групп и перемещение их в другие регионы, что нередко бывало в истории.

Уровень цивилизационной идентичности как таковой — это верхний пласт внутри этого многогослойного комплекса, который обеспечивает единство всей конструкции, скрепляет её сверху. Для России характерно, что он, как правило, не посягал на другие её уровни, стремится их не искажать. Более того, этот уровень представляет собой гарант неразрывания нижних по отношению к нему уровней, обеспечивает их сбережение. В этом смысле цивилизация у нас не конструирует каких-то денационализированных "общечеловеков", а констатирует, что человек ценен именно как носитель своей культуры, при том что он может быть и должен быть патриотом большого Отечества. Но он ценен и как носитель своеобразной племенной, родовой принадлежности, культурной, региональной, религиозной и так далее. Другое дело, что, поднимаясь в своей карьере, в качестве служащего, интеллигента, предпринимателя, политика и т. д. — он всё в большей мере становится носителем общецивилизационного начала. Становясь в этом плане "русским", он остаётся "туземцем", и при этом обогащается как личностью через верхний этаж идентичности (ранее данный подход был представлен в разработках: Аверьянов В. Эскиз оптимальной модели национальной политики в России. Доклад Изборскому клубу // Изборский клуб. 2016. № 10; Доктрина Русского Мира / сост. В.В. Аверьянов. — М.: Книжный мир, 2016).

Задача государства-цивилизации в данном случае — это снятие конфликта между разными уровнями, которые, конечно же, возникают время от времени. Второй существенный момент — в истории России вырабатывается некая форма фиксации этого цивилизационного уровня как политической лояльности. У нас был чрезвычайно удачный опыт, который, я считаю, сегодня нужно переосмыслить и как-то перевести на современный язык — это мифологема "Белого Царя". Ниже я остановлюсь на данной мифологеме, как и насколько хорошо она легла на формирование цивилизационной идентичности. Позднее у нас был другой опыт политической фиксации цивилизационного начала, когда Партия выполняла эту роль — роль Царя до революции. Безусловно, были случаи, когда происходили разрывы или провалы в этой цивилизацион-

ношения с другими народами и традициями. То есть возникает "евразийское пространство комплиментарности". Русский Мир делает важные для него миры союзниками, а не конкурентами.

"Большое видится на расстоянии", поэтому первыми заметили эти уникальные свойства России не русские мыслители. Немецкий писатель Вальтер Шубарт сумел обобщить многие феномены и многие концептуальные осмысления русской истории через понятие "иоанновский человек", "иоанновский тип культуры". Так он называл особую русскую уживчивость, её способность к мирной колонизации, к гармоничной "включительности" (понятие, употребившееся Д. Менделеевым). В некотором роде это было возведение в более высокую степень идеи Достоевского о "всечеловечности" и "всемирной отзывчивости" пушкинского типа

ритории проживания в районе Тамбова, Саратова и в других областях России.

Прагматичной в целом была и политика Сталина и Берии по перемещению народов в 40-е годы. Массовые переселения тогда были ответом на риск немецкого контрнаступления и рецидивов коллаборационизма — перемещались не только потенциальные боевики, пронемецкие или протурецкие, а сама питательная среда, как тогда это называли — "укрывательско-пособинческая база" сопротивления. Политика эта была весьма жестока и сопряжена с огромными издержками. Однако примером и своего рода образцом для бериевских депортаций послужили депортации, проводившиеся ещё в Первую мировую войну, хотя они менее известны, о них меньше говорят.

Хочу подчеркнуть, такого рода процессы, связанные с

ЦЕНТР МИРА

массовыми переселениями и выселениями, были скорее исключением в нашей истории, чем правилом.

ПЯТЬ ИСТОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

В России мы видим на сегодняшний день пять состоявшихся моделей цивилизационной идентичности, сменявших друг друга: политико-мифологическая модель ("Белый Царь"), правовая имперская модель (классическая Российская империя), ленинская модель (платформ для торжества интернационала), зрелая советская модель ("старший брат") и создание новой советской общности и ранняя постсоветская (либеральная конструктивистская) модель. От последней модели мы постепенно всё больше и больше уходим, и сейчас встаёт вопрос о том, какой будет новая модель.

Как я обещал, несколько слов о "Белом Царе" — это оказалось чрезвычайно эффективной мифологемой, потому что здесь совпали многие коды, традиции и пророчества разных племён Евразии. Среди них алтайцы, хакасы, тувинцы, многие монгольские народы. Буддисты в XVIII веке признали государыню Екатерину Великую воплощением "Белой Тары", и затем это признание работало уже в отношении всех петербургских монархов. Идея Белого Царя органично легла на сознание этих народов и вызвала у них доверие. Я думаю, глубина этой мифологемы не сводится к XVI–XVII векам, скорее всего, она уходит в более древние времена. И на том этапе развития мифологема Белого Царя заменила собой ещё не сложившиеся представления об общей судьбе, как бы обещала эту судьбу в будущем.

На практике модель строилась на основе шерти (то есть присяги неполного подчинения, вассалитета), и ясака (определённой формы налогообложения). При этом Русское государство выступало в роли третейского судьи, и надо признать, что его продвижение на восток де-факто прекратило междоусобные войны на территории Северной Евразии. Определённая работа проявлялась в течение этих веков о коренных малочисленных народах: запрячалась, например, продажа вина и водки, хотя контрабан-

дой, конечно, они всё равно просачивались; со временем была организована система медицинской помощи, прививание от оспы и т. д.

Парадигма петербургской империи — это переход уже от религиозно-мифологического формата к правовому. Очень интересно изучать в этом плане Свод законов Российской империи, потому что в нём масса поучительных статей и положений, которые показывают, насколько дифференцированным, гибким и терпимым был подход власти к местным особенностям, насколько широко допускалось правовое разнообразие "русских подданных", как тогда это называлось.

Грубое говоря, империя состояла из нескольких крупных укладов. Было 49 стержневых губерний Центральной России и Урала. Это не только этнические русские губернии, но скорее православные губернии — те области, где многие жители успели воцерковиться. Это в том числе такие народы как чуваши, удмурты, марийцы. Русификация в ту эпоху происходила не через этническое самосознание, а через веру. Вместе с верой по-хожим образом формировался и социально-культурный уклад этих этносов.

Особым статусом обладал ряд территорий, пользовавшихся правами политической автономии (Польша, Финляндия, Хива, Бухара и ряд других). Ещё одним крупным типом внутри сообщества русских подданных были кочевые народы, оседлость которых была не постоянной, а сезонной. Были, наконец, и так называемые "бродячие инородцы", которые оседлыми не являлись в принципе. Закон империи выделял в пользование для них целые полосы земли, по которым они могли двигаться свободно, так, чтобы при этом не мешать никому другому.

Была выстроена достаточноподуманная система, в том числе система льгот, родовых управлений, инородных управ, степных дум, старост, специальный институт попечителей. Даже были специальные кадетские корпуса для местных элит. Примечательно то, что должности туземных властей на разных уровнях управления были, как правило, выборными. И в результате произошло сближение таких институтов как юрта и русская община. Юрта приобрела многие черты русской общины, происходило их взаимопроникновение, а значит и вырабатывался единый цивилизационный код Русского Мира.

Ленинская модель радикально отличалась от имперской, при этом Ленин решал задачу максимального сохранения пространства бывшей империи. Он выступил создателем мягкого федерализма и конфедерации республик. Однако при этом редко упоминают, что он не был сторонником федеративного начала, он был сторонником унитарного государства, но признавал необходимость пойти на такое либеральное отношение к "националам" ради сохранения большого СССР. Сохранить большую часть имперского наследия удалось в эпоху гражданской войны с большим трудом. Известны неоднократно повторяемые Лениным мысли о федерализме: "Мы, безусловно, при прочих равных условиях, за централизацию и против мерцанского идеала федеративных отношений". И это не помешало ему заложить под СССР ту самую "мину замедленного действия", которая взорвалась в 1991 году. Причина того — ставка на мировую революцию, рассмотрение России как её платформы, а не самостоятельной цивилизации. Россию Ленин и Троцкий трактовали как периферию цивилизации, которая восстала против центра.

Зрелая советская модель, которая начала утверждаться где-то с середины 30-х, существенно изменила подход: от служебного платформара к де-факто цивилизационному подходу. СССР с спутниками рассматривался Сталиным как цивилизационный лидер человечества, очаг прогресса. В плане практической политики эта модель реализовывалась через концентрацию полномочий союзными структурами и безоговорочную диктатуру партии, внутри которой сложились жёсткие иерархические отношения. С середины 30-х годов устанавливается коренизация кадров, восстанавливается статус русского языка и кириллицы. Однако при Хрущёве проходит вторая волна коренизации и культивирования республиканских суверенитетов.

Ранняя постсоветская модель, о которой много говорят не надо, потому что мы все её с вами видели воочию, знаем, как она устроена, — безусловно, это не что-то законченное, это скорее процесс эволюции прежней РСФСР, её встраивания в глобальные структуры. В этот период Россия де-факто понималась как нечто промежуточное и избыточное, некая временная станция по пути следования в глобализацию, в мир полной свободы для капитала. Сегодня мы всё больше отходим от так называемой конструктивистской школы, которая в 90-е годы была у нас в этом плане доминирующей объяснительной моделью. Момент перехода связан с тем самым парадоксом суверенитетов, о котором сегодня шла речь, с разгулом сепаратистских настроений, в том числе с чеченскими войнами,

когда пришлось предпринимать сверхусилия, чтобы это состояние преодолеть. Этот момент был обозначен президентом Путиным в 2000 году, когда он заявил: "У нас создано децентрализованное государство, децентрализованная федерация".

Какова же будет новая модель? Я склонен определять её как "неоимперская система". Вообще в науке за последние 15–20 лет слово "империя" перестало быть негативом. То есть уже совершенно по-другому сейчас относятся к нему везде — и на Западе, и на Востоке. И дело здесь не во внешней имперской символике, не в "горностаевых мантиях" или наследственной монархии, а в том самом дифференцированном подходе, выгодно отличающемся от унифицирующего конструктивистского подхода. Должна быть найдена современная форма этнокультурной правосубъектности, тем более что, как мы понимаем сегодня, всё меньше мы имеем дело с общинами компактного проживания, а практически все этносы всё больше и больше дисперсно распыляются по большому пространству цивилизации.

ОСТАВАТЬСЯ МИРОМ В ЭТОМ МИРЕ

Верхний этаж идентичности формируется благодаря множеству факторов. Сред них можно выделить важнейший — это язык и письменность. Когда говорят о русификации, имеет место парадокс: дело в том, что в Российской империи какой-то насильственной русификации не было даже в плане языка. Реальная русификация большинства населения исторической России произошла уже в СССР в соответствии с Постановлением ЦК от 1938 года "Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей". И несмотря на это к 1970 году у нас только 42% казахов, 19% киргизов, 15% узбеков владело свободно русским языком. Эта пресловутая "русификация" — длительный исторический процесс, который нельзя назвать завершённым и сейчас, внутри нынешних границ России, не говоря уже о большой исторической России.

Другой момент — кириллица. В 1920-е годы у нас пытались отменить кириллицу, латинизировать все алфавиты, потом от этого отказались. Это тоже маркер цивилизационной идентичности. Момент отказа от попыток встроить всю Россию в глобальный процесс мировой революции означал возвращение к кириллице. Кстати, сходные разговоры о латинизации русской культуры и письменности велись и в 90-е годы. Кириллицу воспринимали как барьер на пути к всё той же глобализации, в "дружелюбные" объятия которой РФ тогда так стремилась.

Если обобщить риски, которые стоят перед Россией в этом плане, я бы выделил три главных фактора. Это, во-первых, двойная лояльность национальных автономий, во-вторых, провокационный "уменьшительный" и "упростительный" национализм и в-третьих, предствление о России как части глобального мира, предназначенной в конечном счёте к абсорбции этим миром.

Мы часто слышим тезис, что многообразие России — это её сила. Но многообразие может и не быть силой. Это зависит от того, как отбирается "материал" для работы с цивилизационной прочностью страны, как осуществляется работа с этим материалом. Отец нашего великого поэта Александр Львович Блок был правоведом. Он применял в отношении национального вопроса такой термин из области металловедения — "лигатура" — когда целенаправленно осуществляется примесь к мягкому, благородному металлу. К нему что-то добавляется, и он становится более твёрдым, более ковким, более износостойчивым. Но можно в этом деле ошибиться и добавить не тот металл или не в той пропорции, и тогда сплав окажется, наоборот, недостаточно сопротивляющимся внешним воздействиям.

Поэтому определяющим является вопрос о том, доминирует у нас понижающий или же повышающий вектор модели цивилизационной идентичности. К понижающему вектору я бы отнёс такие позиции как либеральный национализм, концепция "острова Россия", сведение миссии человека в России к потреблению или торговле, поскольку такого рода миссия "растворяет" человека во внешнем пространстве, делает его атомом в космополитическом контексте. Повышающий же вектор — это общее дело, это развитие цивилизации, это способность пойти на жертвы, это усложнение идентичности, её наращивание и взаимное обогащение через взаимопроникновение всех её уровней.

Повышательный вектор заключается в том, что каждый уровень идентичности максимально углубляется; нет предела культурному, духовному самоуглублению, развитию своеобразия. Но при этом политический уровень идентичности остаётся за Россией как государством-цивилизацией. Он не подлежит какому-либо переделу и какому-либо торгу.

Виталий АВЕРЬЯНОВ